

Музейон

М.С. Шальнева, Е.С. Кулакова

«Маяк русского искусства и науки за рубежом»

*История первого европейского
Русского культурно-исторического
музея в Збраславе (1934–1948)*

«Давным-давно доводилось мне говорить российским послам и власть имущим о необходимости ознакомления всего мира с русским творчеством. Думалось, что при каждом посольстве мог бы быть как бы Русский Музей или постоянная выставка и библиотека, которые бы привлекали посетителей и давали бы понятие о русских культурных сокровищах. Это было [бы] очень нужно и своевременно»¹, – писал Николай Константинович Рерих в 1945 году в статье «Русский музей». Он мечтал о будущем веке русской культуры и уделял этой теме большое внимание, развивая ее во многих своих статьях. Рерих использовал любую возможность, чтобы познакомить европейцев с русским изобразительным искусством, с народным творчеством и всячески поддерживал тех, кто пропагандировал отечественную культуру за рубежом.

Одним из таких патриотов был литератор и последний секретарь Льва Николаевича Толстого Валентин Федорович Булгаков. Волею судьбы оказавшись за

¹ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т. 3. М., 1996. С. 295.

Валентин Булгаков. 1916

границей, он стал инициатором создания Русского культурно-исторического музея в Збраславе (Чехословакия), который Н.К. Рерих назвал «первым русским музеем в Европе, маяком русского искусства и науки за рубежом»². В этом музее 16 июня 1938 года состоялось торжественное открытие Зала имени академика Н.К. Рериха. «Целыми группами, подолгу стояли люди перед Вашими чудными творениями и потом делились с нами и друг с другом полученными впечатлениями, – рассказывал Булгаков в письме Рериху. – Впечатления эти у всех необыкновенно сильны. Все в восторге от Ваших картин – композиции, тем, красок, полной необычности творчества в целом»³.

«...Когда мы знаем, что Вы алтаец, Вы нам еще и еще ближе», – писал в ответном письме Николай Константинович организатору и энтузиасту этого уникального музея в Збраславском замке, удивительному человеку, жизненную позицию которого он определил как «добросердечный подвиг». Вскоре после открытия Зала академика Н.К. Рериха Булгаков издает большой каталог Русского культурно-исторического музея, а Рерих рекомендует Обществу поощрения культуры «Фламма» в Нью-Йорке избрать Валентина Федоровича своим почетным членом. Диплом о присвоении этого зва-

ния, за подписью президента Общества «Фламма» З.Г. Фосдик, был получен В.Ф. Булгаковым в Праге в июле 1938 года.

«Архимедова точка опоры»

Детские годы Валентин Булгаков (род. 13 ноября 1886 года) провел в сибирском уездном городке Кузнецке Томской губернии, где отец его, Федор Алексеевич Булгаков, занимал должность штатного смотрителя училищ Кузнецкого и Бийского округов. Воля, как называли его родные, рос в атмосфере любви, понимания и почти неограниченной свободы. В семье было принято уважительно относиться к мнению каждого, невзирая на возраст. Интерес детей к книгам, искусству, к знаниям поддерживался матерью – учительницей Кузнецкого приходского училища Татьяной Никифоровной, урожденной Исаковой. Правда, поначалу книги, как вспоминает брат Воли Вениамин, использовались детьми исключительно для засушивания растений в домашний гербарий.

«Кузнецк промелькнул веселой страницей, на которой рассказано о беззаботном детстве, о ранней юности с гимназическими каникулами, веселыми любительскими спектаклями (я принимал в устройстве их самое живое участие и пользовался большим успехом как исполнитель) и т.д. Еще один важный штрих из истории детства: четыре года я “подавал кадило” и вообще прислуживал в алтаре местной Богородской церкви (где венчался первым браком Достоевский). Постоянное присутствие в алтаре, непропускание ни одной службы, священник Виссарион – питали во мне религиозность и мечтательность»,⁴ – писал о кузнецком периоде своей жизни В. Булгаков.

Во время учебы в Томской классической гимназии произошло знакомство Валентина с известным путешественником, писателем Григорием Николаевичем Потаниным, оказавшим огромное влияние на гимназиста Булгакова. Оно было связано с увлечением – «не совсем сознательным и искренним», как потом писал Булгаков, – этнографией. Записанные им в 1904 году в Кузнецком и Барнаульском уездах русские, а на Алтае (через переводчика) ойротские сказки были напечатаны под редакцией и с примечаниями Потанина во втором выпуске первого тома «Записок Красноярского Подотдела Восточно-сибирского отдела Русского Географического Общества» (Красноярск, 1906 г.). В это время Валентин Булгаков уже состоял сотрудником различных томских газет, в том

² Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. Л., 1969. С. 271.

³ Булгаков В.Ф. Письмо Н.К. Рериху от 17.06.1938 г. Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп. №1, д. 1025.

⁴ Булгаков В.Ф. Автобиография 1911 г. Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп. №1, д. 1316.

числе «Сибирской жизни» и «Сибирского вестника», а также журнала «Сибирские отголоски».

В иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» от 10 октября 1904 года, №221, была напечатана статья Валентина Булгакова «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», где впервые были опубликованы материалы о приезде Достоевского в Кузнецк в 1857 году и о венчании его первым браком с Марией Дмитриевной Исаевой. А в газете «Сибирский вестник» примерно в это же время печатается его статья с критическим разбором картин художника В.Д. Вучичевича «Домик Ф.М. Достоевского в Кузнецке».

Внутренняя жизнь Валентина Булгакова в эти годы протекала достаточно напряженно. Он находился в духовном поиске. Религиозность, которой были наполнены его детские годы, таяла на глазах. Этому во многом способствовали «запрещенные» книги (в том числе Л.Н. Толстого), которые приносили в пансион товарищи. «Еще до этого я, будучи православным, очень мучился (не могу употребить здесь другого слова) над вопросами о существовании Бога и бессмертии души. Церковное толкование их – Троица, ад и рай – переставало уже удовлетворять меня. Поделиться мыслями мне было совсем не с кем. Только позже, когда от православия не осталось уже следов, я натолкнулся на очень серьезного учителя словесности и

В.Ф. Булгаков. Вид на Кузнецкую крепость с улицы Достоевского

воспитателя пансиона, христианина в духе Вл. Соловьева. Но тогда его речи производили на меня уже мало впечатления. Единственно, где я находил отклик своим душевным запросам, это – в романах Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» (Кириллов в «Бесах»!). Помню, я тогда страстно жаждал найти смысл своей жизни, архимедову точку опоры и уверял от всего сердца самого себя, что если бы у меня был ясный, понят-

Вид г. Кузнецка с Крепостной горы. Начало XX века

Л.Н. Толстой и В.Ф. Булгаков в имении дочери Толстого Кочеты. 1910

ный смысл жизни, если бы я точно знал, для чего я живу, я бы пожертвовал всем, чтобы жить согласно ему!»⁵, – писал позже о гимназических годах В.Ф. Булгаков.

Одна из попыток найти какое-нибудь руководство в жизни в этот период привела Булгакова вместе с двумя товарищами-гимназистами к созданию тайного общества, члены которого должны были неуклонно следовать принятым ими правилам: «1. Уметь побеждать самого себя, побеждать свои желания. 2. Не говорить неправды, не обманывать, даже и шутя. 3. Не говорить про кого-либо дурно; если нам будут рассказывать что-нибудь дурное про человека, мы выслушаем и скоро забудем об этом; если кто-нибудь из членов общества заметит какой-нибудь поступок другого члена против правил, он должен доложить об этом председателю общества – это не есть дурной поступок. 4. Никого ничем не обижать. Если кто будет просить нас о деле, несогласном с нашими правилами, мы должны разъяснить ему, что это против наших убеждений и что мы его просьбу исполнить не мо-

жем»⁶; и т.д. Тайное общество просуществовало недолго, однако принесло большую пользу его создателям, поскольку им приходилось напрягать силы для борьбы со своими слабостями.

«Про свои гимназические годы я сказал бы, что много было, но ничего не стало. Т.е. я остался со своей полной неопределенностью взглядов. Таким я и приехал в Москву. Привез еще с собой громадные надежды на университет, на московское общество <...> Меня обманули ожидания <...> тем не менее именно в Москве я напал на настоящую дорогу...»⁷.

Свою «архимедову точку опоры» Валентин Булгаков нашел в религиозно-философском учении Льва Николаевича Толстого, с которым познакомился в первый год учебы в Московском университете на философском отделении историко-филологического факультета. В университет он поступил вместе с братом Вениамином в 1906 году. Сначала были поездки В.Ф. Булгакова в Ясную Поляну и встречи с Л.Н. Толстым, а позже – личное общение и совместная работа молодого секретаря-

⁵ Булгаков В.Ф. Автобиография 1911 г. Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп. №1, д. 1316.

⁶ Там же.

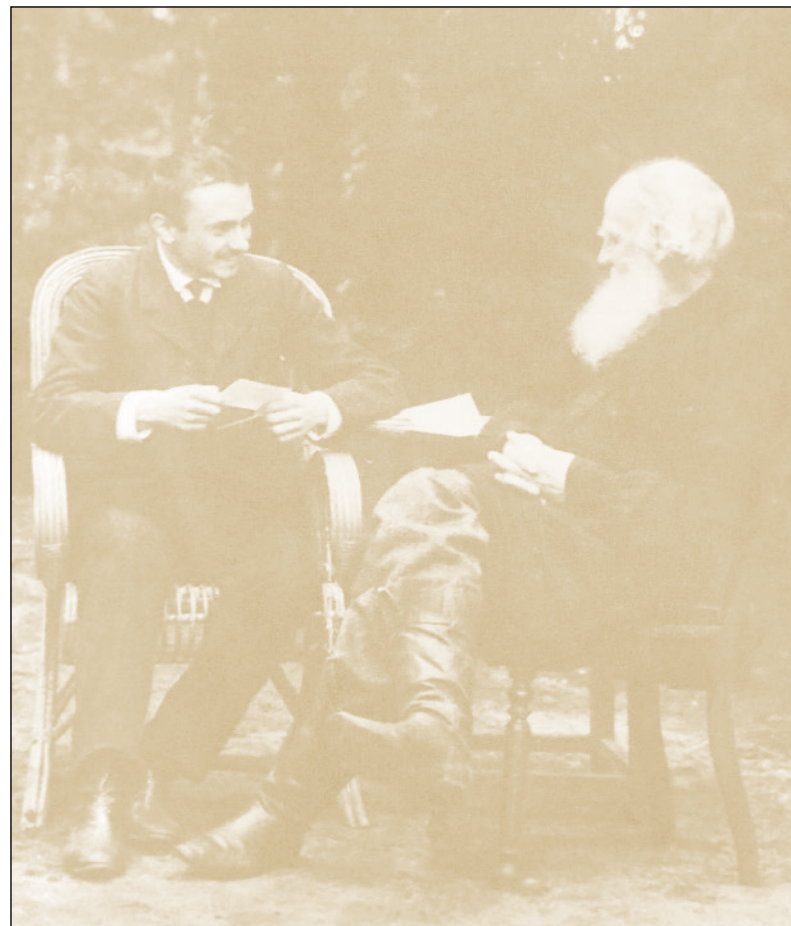
⁷ Там же.

ря с великим писателем. «С чем я вошел в Ясную Поляну и с чем вышел? С каким внутренним багажом? – задавал себе вопрос Валентин Булгаков в 1911 году. – Взглядами Льва Николаевича я увлекся сначала как анархическими и противоцерковными. Потом, вчитавшись в книги Льва Николаевича внимательно и прочитав их много во время работы над «Систематическими очерками», я увидел всю важность религиозной сущности учения Льва Николаевича и поразился тогда логической стройностью этого учения. Мы все – люди – дети Отца-Бога и должны стремиться к Его совершенству, исполняя Его волю. Вот – основа, из которой вытекает все: и анархизм, и противоцерковность, и взгляд на задачи науки и искусства. Словом – все остальное в мировоззрении Льва Николаевича. Я знал это, но еще не почувствовал всей душой, потому что не пережил. В Ясной, от непосредственного соприкосновения со Львом Николаевичем и со многими другими религиозными людьми, взгляд этот углубился во мне, вошел в мою плоть и кровь, сделался для меня единым источником света в жизни. “Не моя воля да будет, но Твоя; и не то, чего я хочу, но то, чего Ты хочешь; и не так, как я хочу, но так, как Ты хочешь!” “Господи, да будет воля Твоя!” Вот в чем для меня теперь весь катехизис жизни. Только бы мне не ослабеть душой и не забывать этого»⁸.

После смерти Л.Н. Толстого В.Ф. Булгаков в 1911 году издает книгу «Л. Толстой в последний год жизни», в основу которой были положены дневниковые записи автора. Книга эта, в связи с большой популярностью, переиздавалась в 1918, 1920, а потом в 1957 годах и была переведена полностью на чешский, итальянский языки, частично на болгарский, хорватский, французский, немецкий и английский. Кроме того, в книгоиздательстве И.Д. Сытина в 1911 году вышла книга «Жизнепонимание Л.Н. Толстого в письмах его секретаря».

Став приверженцем идей Льва Толстого, Булгаков следовал им всю жизнь. В 1914 году Валентин Федорович вместе с 42 единомышленниками публикует воззвание против империалистической войны, в результате чего последовал арест и Тульская тюрьма, где он провел в заключении 13 месяцев. Это испытание только укрепило его в избранном пути.

С 1916 по 1923 годы Булгаков работал помощником хранителя, а затем заведующим музеем Л.Н. Толстого в Москве. При его активном участии в 1921 году был реставрирован и открыт как музей дом Толстого в Хамовниках. В это же время Валентин Федорович неоднократно выступает с

Лев Николаевич Толстой и Валентин Федорович Булгаков. 1910

публичными лекциями о своем учителе, участвует в диспутах о религии с А.В. Луначарским, профессорами М.А. Рейснером и Г.А. Поссе, стоя на почве свободно-религиозного, внецерковного жизнепонимания в духе Толстого.

Во благо культуры Отечества

Пропаганда Валентином Федоровичем идей Л.Н. Толстого не импонировала новой власти, и в 1923 году на знаменитом «философском» теплоходе он был выслан вместе с семьей из Советской России в Чехословакию. Здесь Булгаков продолжает свою литературную деятельность, издает книги «Трагедия Льва Толстого», «Революция на автомобилях», «Толстой-моралист», «Памяти доктора Д. Маковицкого», «В осиротелой Ясной Поляне» и другие. В Праге Валентин Федорович преподает русский язык, занимается переводами. Его лекции о Толстом пользуются популярностью в Австрии, Болгарии, Германии, Швейцарии, Югославии. Кроме того, в Европе он собирает различные ма-

⁸ Булгаков В.Ф. Автобиография 1911 г. Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп. №1, д. 1316.

териалы о Толстом и пересылает их в Москву, в музей писателя.

О Родине Булгаков не забывал ни на минуту и не менял советского гражданства. Шли годы, но надежда на возвращение в Москву, в Ясную Поляну, в Кузнецк не появлялась. «Видно, в самом деле придется здесь, за рубежом, сложить свои кости! – пробегало не раз в голове», – писал он о тех годах⁹. Стоило походить по русскому кладбищу, чтобы увидеть, сколько русских писателей, ученых, художников нашли здесь, за границей, вечное успокоение. Многие из них оставляли книги, рукописи, письма, фотографии, картины, рисунки, иконы и другие старинные вещи, которые после их смерти рассеивались, попадали в частные равнодушные руки, в антикварные магазины. Все это отзывалось болью в сердце Булгакова. «Отрезок времени, проведенный частью русских людей за границей, стал уже историческим отрезком. Почему же не собираются и не хранятся все относящиеся к нему материалы? <...> Эмигранты дарят (или продают по дешевой цене, что одно и то же) иностранному государству, хоть и благосклонно к ним относящемуся, русские национальные ценности. Правильно ли это? Нет, неправильно и нехорошо! <...> Собираться эти ценности везде должны, но собираться для отечественных музеев и хранилищ, для российского государства»¹⁰. Так размышляя, Булгаков пришел к мысли о создании в Чехословакии Русского музея. Ведь был же открыт в Праге в 1923 году «Русский заграничный исторический архив» для хранения ценных рукописей. Почему не попытаться открыть музей? Замысел очень вдохновлял Валентина Федоровича, но откуда взять средства для его реализации? Ведь приобретать исторические предметы и коллекции для СССР чехословацкое правительство не будет. «И тут ответ напрашивался более чем простой: взять эти средства неоткуда, – описывает Булгаков положение тех дней. – “Трагический” смысл этого ответа может быть исправлен только одним способом: безденежные люди (русские за рубежом) должны создать материальные средства сами. Это – почти невозможно. Но “почти” дает все же какую-то надежду. Так говорил я себе, размышляя о создании за границей Русского музея...»¹¹

В Праге имелось Русское историческое общество, и Булгаков обращается со своим предложением к его председателю, бывшему профессору

⁹ Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей (1934–1939). Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №22226, оп. №1, д. 75.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Харьковского университета А.Н. Фатееву. Фатеев, в свою очередь, направляет его к М.М. Новикову, биологу, ректору Русского свободного университета в Праге. Новиков, человек общественный, когда-то состоявший членом Государственной Думы от кадетов, сразу откликнулся. Ему импонировал идеалистически настроенный, бескорыстный исполнитель, и он предложил для нового музея вывеску Русского свободного университета, под которой можно было бы начать новое дело, не прибегая к хлопотам перед чешскими властями о формальном разрешении на создание нового учреждения. План действий был обсужден на собрании специально создан-

*Збраславский замок и конная статуя
Св. Вацлава. Современный вид*

ной инициативной группы, в которую вошли профессор А.Н. Фатеев, искусствовед Н.Л. Окунев, литературовед А.Л. Бем, председатель Совета Русского заграничного исторического архива Н.И. Астров, председательница комитета «День русской культуры» С.В. Панина, сибирский общественный деятель И.А. Якушев и художник Н.В. Зарецкий.

В составленном Булгаковым проекте Положения о Русском культурно-историческом музее, как решено было назвать новое учреждение, провоз-

глашалось, что «в будущем все коллекции музея должны быть перенесены в Россию, как русское национальное достояние»¹². Целью музея, согласно Положению, было «собираение, хранение, изучение и экспонирование памятников и материалов, относящихся к истории, жизни, творчеству и быту русской эмиграции и русского зарубежного населения вообще»¹³. При музее учреждалась библиотека, главной задачей которой являлось отображение литературного и научного творчества представителей русской культуры, проживавших за

¹² Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей (1934–1939). Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп. №1, д. 75.

¹³ Там же.

рубежом. Книги собирались только те, которых не было в Советской России, с тем, чтобы впоследствии этой коллекцией дополнить ту или иную из центральных отечественных библиотек.

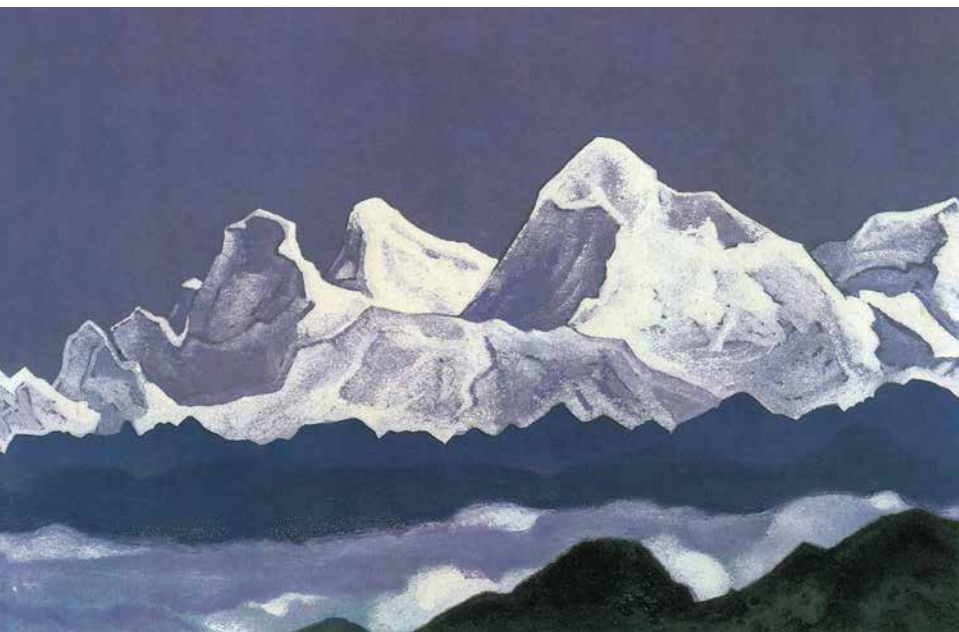
Самым сложным для нового музея оказался вопрос, связанный с помещением. Русский свободный университет располагал лишь двумя комнатами на Краковской улице и не мог ничем помочь. Булгакову пришлось обойти немало учреждений Праги в поисках подходящего места для музея.

После долгих мытарств он остановил свой выбор на пустующем замке туристического городка Збраслав в тринадцати километрах от столицы Чехословакии. «Ведь Збраслав – <...> город, облюбованный туристами, и, по крайней мере, летом музею было бы обеспечено значительное количество посетителей, – размышлял Булгаков. – Здание каменное. Коллекции хорошо сохранились бы. Летом туда можно совершать приятные прогулки на пароходе. Зимой действует железная дорога и автобусы. Кто имеет машину, может ехать и машиной. Шоссе – превосходно. Но <...> как “завоевать” Збраслав?»¹⁴ Помогла русская женщина Надежда Николаевна Крамарж, урожденная Хлудова, жена лидера Национально-демократической партии Чехословакии доктора Карела Крамаржа: Надежда Николаевна побудила мужа просить владельца Збраславского замка господина Кирилла Бартонь-Добенина, состоявшего членом Национально-демократической партии, выделить помещение для устройства Русского музея. 30 мая 1934 года в Русском свободном университете получено

было сообщение от секретаря Крамаржа о том, что К. Бартонь-Добенин согласился предоставить университету для устройства Русского музея несколько комнат в Збраславском замке. «Это было огромной победой нашего дела. Помещение есть – музей будет!» – говорил себе Булгаков, идя в этот счастливый день весны по жарким улицам Праги.

Валентин Федорович стал в музее единственным служащим и заведующим, которому предстояло наполнить пустующее помещение коллекциями и оснастить необходимым оборудованием. Первые экспонаты поступили из Праги. Это были две работы художника-сибиряка, томича С.А. Мако – «Портрет художника Григория Мусатова» и маленький этюд «Море у Ниццы». Автор предоставил их Булгакову безвозмездно. Последующие дарители – художники Е.Н. Колабин, В.И. Крашенинников, Г.А. Мусатов, С.А. Траилин, А.Н. Рязанов, Е.Н. Орлова, И.Я. Библибин, Б.Г. Клодт, родственник знаменитых русских Клодтов, скульпторы А.С. Головин, Е.В. Бржезинский, И.Д. Шапов, Н.Н. Акатьев, А.Ф. Тума – следовали примеру Мако. Ценнейшим вкладом в собрание Русского культурно-исторического музея стала коллекция из 66-ти работ художника Л.Н. Голубева-Багрянородного, присланная Союзом русских писателей в Берлине. В ней было около 40 довольно крупных карандашных и пастельных портретов зарубежных русских писателей, ученых и артистов. Среди них – сделанные с натуры портреты Ф.И. Шаляпина, его дочери Лидии Шаляпиной, А.Н. Толстого, Владислава Ходасевича, Вячеслава Иванова, Анатолия Каменского, Игоря Северянина, Александра Яблонского, балерины Тамары Карсавиной и других. Все портреты были снабжены автографами изображенных лиц, что увеличивало их ценность.

Музей собирал также русскую старину и материалы о деятельности русских ученых и писателей. От И.И. Классена, проживающего в Германии, в музей поступил экземпляр русского Евангелия с надписью на имя дочери Александра II Марии Александровны; от Н. Боура, бывшего главного управляющего имениями графа М.М. Толстого-младшего, получено было шесть драгоценных миниатюр и три камеи с изображениями членов семьи одесских Толстых. Три лучшие миниатюры были под-

Н.К. Рерих. Эверест. 1931. Собрание ГТГ

¹⁴ Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей (1934–1939). Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп. №1, д. 75.

Н.К. Рерих. Канченджанга. 1931. Собрание ГТГ

писаны именами известных художников-миниатюристов: Доменико Босси, Кронсветтера и Августа фон Медвея. От С.А. Траилина поступила коллекция русских орденов и медалей; от М.К. Ореховой-Маковицкой музей получил чайную чашку и блюдо, которыми пользовался Л.Н. Толстой. От разных лиц поступили: карта Волги, изданная Адамом Оларием в конце XVII столетия, план Москвы, изданный в Праге в 1808 году, старинные монеты и другие экспонаты.

Чтобы собрать книги русских ученых, была устроена, в связи с празднованием университетского праздника дня Св. Татьяны, однодневная книжная выставка. Все представленные на выставке книги поступили затем в библиотеку музея. И.А. Бунин прислал из Парижа, по просьбе музея, фотографии, рукописи, книги. От вдовы писателя С.Р. Минцлова из Риги музей получил полное собрание его сочинений в 25 томах.

Знаменитый строитель мостов профессор Кривошеин (Прага) подарил чертежи сооруженных им мостов. Этот дар положил начало культурно-историческому отделению музея. Чертежи и фотографии летательных машин прислал по просьбе В.Ф. Булгакова из Америки известный конструктор аэропланов И. Сикорский. Фотографии, руко-

писи изданных и неизданных научных работ, разные документы поступили от многих других русских деятелей. Так постепенно в музее создавались отделы: художественный, русской старины и культурно-исторический, которые разместились в двух просторных залах Збраславского замка. Библиотека располагалась в отдельной комнате.

Владелец замка Бартонь-Добенин был поражен, как скоро продвигаются дела. В очерке «Русский культурно-исторический музей» Валентин Федорович рассказывает:

«Бартонь-Добенин удивлялся и восхищался:

– Вот сколько вы набрали! И как скоро! Замечательно, замечательно... – крепко пожав мне руку, он поблагодарил и вышел в коридор. Но через минуту вернулся. – Скажите, пожалуйста, господин Булгаков, на какие средства устраивается музей?

Я рассказал о четырехстах кронах годовичного бюджета, назначенного музеем Русским свободным университетом, и о 3000 крон, дарованных президентом республики.

– Это немного! – воскликнул Бартонь-Добенин.

– Да, но мы ведь не платим за экспонаты. Русские художники и ученые приносят свои картины, книги, фотографии в дар музею.

З.Е. Серебрякова. Бретонка. 1935. Собрание Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

– Однако у вас есть разъездные, транспортные, почтовые и другие расходы. Вы изготавливаете рамы. Наконец, и лично ваш труд должен быть вознагражден.

– Я работаю бесплатно.

– Но на какие же средства вы живете? – расспросив обо всем, что его интересовало, гражданин Бартонь-Добенин, казалось, был потрясен. – Я вам помогу! Я вам помогу! – говорил добрый старик. Затем вынул из кармана и протянул мне кредитный билет в 1000 крон. – При мне больше нет денег, но я буду ежегодно вносить в кассу музея десять тысяч крон. Я вам помогу...

Я горячо поблагодарил великодушного старца. Тысяча крон, пожертвованная владельцем замка и внесенная мною в кассу музея, помогла закончить оформление музея: заказать рамы на все

портреты работы Голубева-Багрянородного и т.д.»¹⁵

7 сентября 1935 года Музейная комиссия Русского свободного университета, осмотрев экспозицию двух залов, нашла ее удачной и назначила официальное открытие Русского культурно-исторического музея на 29 сентября. Открытие состоялось в назначенный срок в присутствии полутора сотен русских и чешских гостей.

Общерусское дело

Новый этап в развитии Русского культурно-исторического музея – 1936–1938 годы. Коллекции его продолжают пополняться. В январе 1937 года в Прагу приехал Ф.И. Шаляпин, давший здесь свой последний концерт. Булгаков посетил его в гостинице, рассказал о музее, и Федор Иванович подарил для него свою большую фотографию с дарственной надписью: «Русскому культурно-историческому музею в Праге. Да процветает! Дай Бог! Федор Шаляпин. 28 января 1937 года»¹⁶. Позже Шаляпин передал для музея свой театральный костюм Мефистофеля, выполненный по рисунку Поленова.

Для приобретения новых экспонатов Булгаков был направлен

Музейной комиссией в командировку в Париж. Здесь он встречается с именитыми русскими художниками и писателями и рассказывает им о первом Русском музее за границей. Как правило, его рассказ находил отклик, и каждый вносил свой посильный вклад в общее дело. А.Н. Бенуа подарил музею большую акварель «Каскады в Фонтенбло»; К.А. Коровин – эскиз декорации к опере «Князь Игорь», картину «Мост в Сэн-Клу» и акварельный рисунок мужского и женского костюмов для полонеза в опере «Борис Годунов». Н.С. Гончарова выбрала натюрморт с волшебным-экзотическим цветком; Б.Д. Григорьев – свой этюд «В тропиках (Перу)»; скульптор Н.Л. Аронсон предложил для музея великолепный гипсовый бюст французского ученого Пастера и изящный бюст Бетховена; З.Е. Серебрякова

¹⁵ Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей (1934–1939). Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп. №1, д. 75.

¹⁶ Там же.

ва – крупную пастель «Бретонка». Н.Д. Милиоти, питомец Московского училища живописи, ваяния и зодчества и один из основателей группы «Мир искусства», преподнес картину «В Верхней Савойе». «Так, объезжая – не в автомобиле, конечно, а во втором классе троллейбуса – русских художников, осевших в Париже, я получил еще, вдобавок к перечисленным, картины, рисунки и гравюры С.Н. Пименова, Л.В. Зака, В.А. Орловой, М.Л. Манэ-Каца, М.Ф. Мандель, Ф.С. Бренсона, О.М. Вивденко (Белокопытовой), Л.М. Михельсона, С.М. Лиссима, Ю.П. Ворсвик (Драгуновой). Всех этих художников я посетил лично, но были и такие, которых я не видал, однако картины их все-таки получил»¹⁷, – пишет о том времени Булгаков.

Не остались в стороне от общерусского дела и писатели. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус подарили музею черновые рукописи своих статей и личные ручки, Б.К. Зайцев, мастер лирической прозы, – книги, рукописи и перо, А.М. Ремизов – личные фотографии и книги, М.И. Цветаева – собрание всех своих журнальных статей на литературные темы с новыми поправками и дополнениями, ручку и серебряное кольцо матери с наполовину стершейся таинственной надписью.

Собирательская деятельность Булгакова в Париже увенчалась успехом. В Прагу багажом он отправил три огромных деревянных ящика, в которых поместились 62 картины, две скульптуры, 4 предмета русской старины, 4 иконы, костюм Шляпина и части театрального костюма Лифаря, 32 рукописи, многие из них с автографами выдающихся писателей, 125 книг и брошюр, тоже с авторскими автографами, и 88 фотографий. Все это было пожертвовано в музей, – ни копейки на приобретение этих коллекций истрчено не было.

Торжественное открытие собрания картин и рисунков русских художников Парижа состоялось в музее одновременно с открытием архитектурного отделения, основу которого заложили молодые русские архитекторы Праги. Эти коллекции были размещены в двух новых залах Збраславского замка, любезно предоставленных К. Баргонь-Добениным, избранным теперь протектором музея. Скоро к этим залам прибавились еще Пушкинский зал и театральное отделение. В Пушкинском зале, помимо репинской копии с портрета поэта работы Тропинина и бюста Пушкина работы А. Головина, выставлено было множество оригинальных рисунков и иллюстраций к произведениям Пушкина художника Н.В. Зарецкого, литература о Пушкине, а также коллекция

¹⁷ Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей (1934–1939). Российский государственный архив литературы и искусства в Москве Ф. №2226, оп. №1, д. 75.

редких литографий старого Петербурга по рисункам художника Садовникова.

В театральном отделении, кроме множества рисунков, портретов и фотографий, нашли свое место костюм Шляпина и вещи Лифаря. Тут же, в особой витрине, приютилась коллекция керамики.

«...Я работал для музея с самозабвением, – писал В.Ф. Булгаков. – Не жалел ни сил, ни времени. Забывал часто о своих обязанностях главы семьи. Работа любимая, работа около искусства, культуры, работа, посвященная русскому делу, доставляла мне огромное удовлетворение. Я соскучился по ней за десять с лишним лет пребывания за границей. Общаясь с русскими учеными, писателями и художниками, храня, развешивая и показы-

Ф. Шляпин в роли Мефистофеля. Опера «Фауст» Ш. Гуно. Мариинский театр. Санкт-Петербург, 1895. Костюм выполнен по эскизу В.Д. Поленова

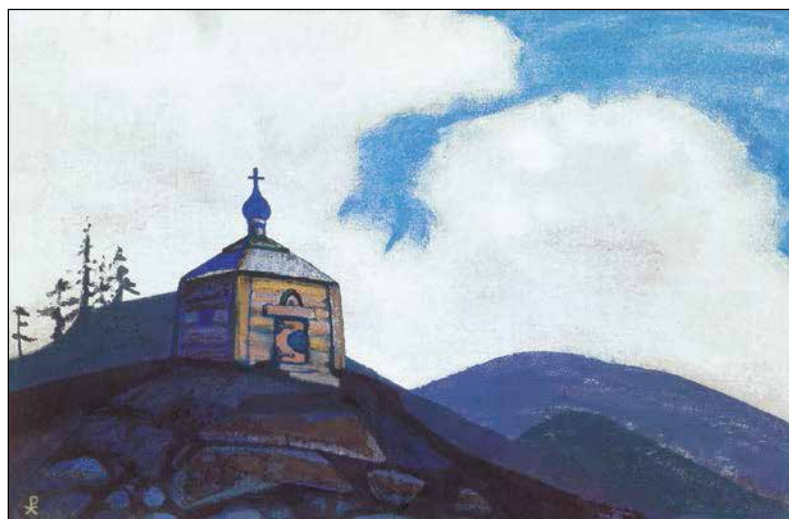

Н.К. Рерих. Св. Сергий Радонежский. 1932. Собрание ГТГ

вая посетителям картины Репина, Рериха, Богданова-Бельского, Высотского, Кайгородова, Бориса Григорьева, Наталии Гончаровой и других русских художников, собирая русские портреты, книги, рукописи, русскую скульптуру, русское прикладное искусство, памятники русской старины, я чувствовал себя как бы немного и “дома”, в родной стихии, – снова восстановившим связь с русской жизнью и русской культурой. Мысль же о том, что собирается все это для Родины и что, следовательно, вся моя работа по заведыванию музеем посвящена Родине, наполняла мою душу глубокой радостью»¹⁸.

«Большое торжество Музея»

Отдельная страница в истории Русского культурно-исторического музея – открытие Зала Николая Константиновича Рериха. В 1936 году В.Ф. Булгаков пишет Рериху письмо в Индию с рассказом о музее, и он откликается. Художник отнесся к задачам этого учреждения с глубоким сочувствием: «Русский культурно-исторический музей – это звучит так своевременно. Музеон – дом, где дружески собираются все искусства и науки, – является сейчас показателем нужд нашего времени. Кто-то говорил, что Школ,

Н.К. Рерих. Часовня Сергияна переputье. 1937. Собрание ГТГ

Университетов и Музеев уже достаточно. Ведь так мог говорить лишь полный невежда. Наоборот, именно теперь ощущается неслыханная потребность в познании»¹⁹.

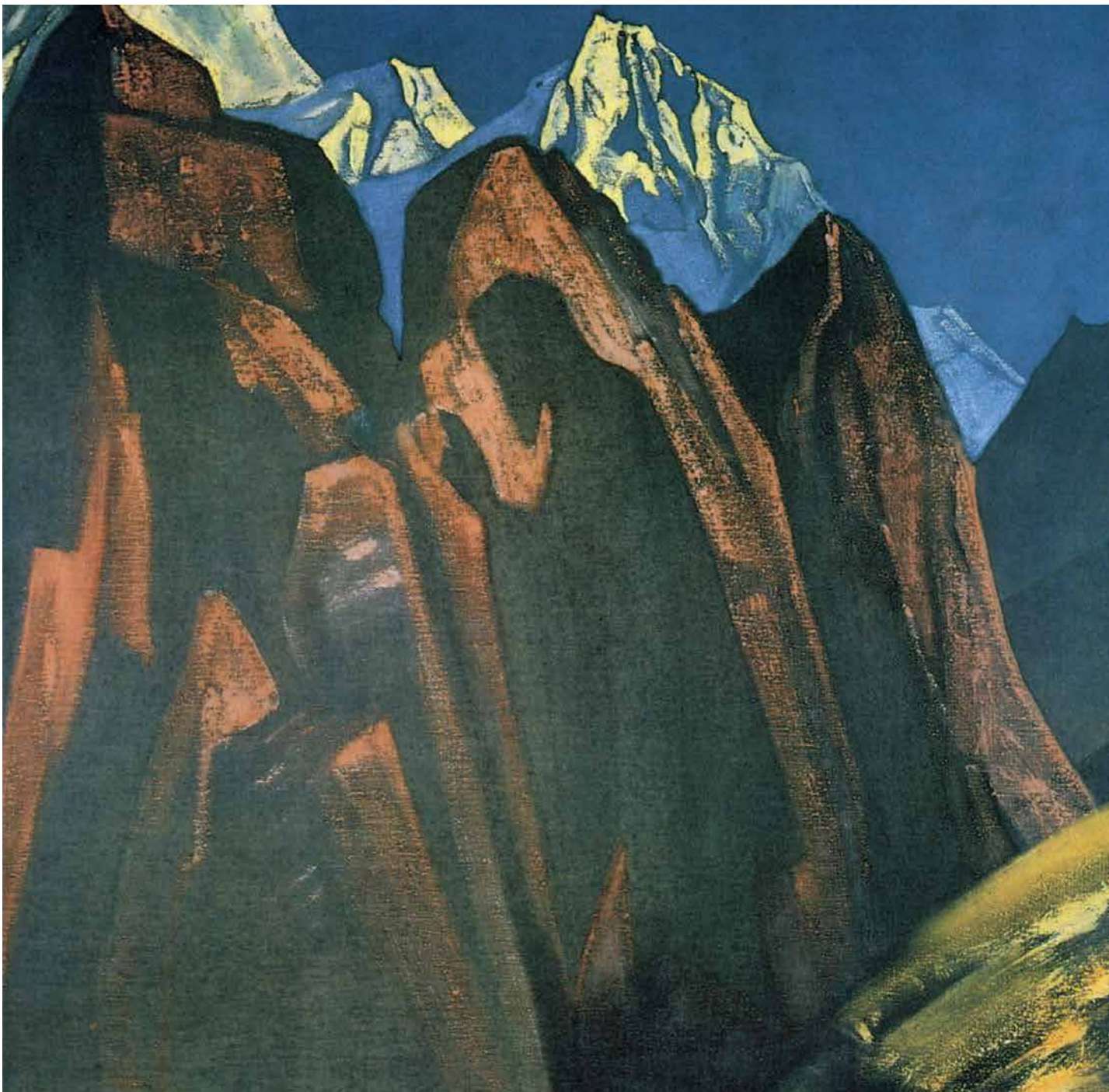
Для Русского культурно-исторического музея Николай Константинович прислал из Индии в Прагу две небольшие картины – «Эверест» и «Канченджанга». Работы передавались автором на неопределенное время, с условием, что в случае,

¹⁸ Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей (1934–1939). Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп. №1, д. 75.

¹⁹ Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. С. 258–259.

Зал Н.К. Рериха в Русском культурно-историческом музее

Н.К. Рерих. Тень Учителя. 1932. Собрание ГТГ

если бы музей перестал существовать, они должны быть возвращены художнику. Валентин Федорович выразил дарителю глубокую признательность и в письме к нему сообщал: «Высокочтимый Николай Константинович! ...Картины Ваши, благодаря прекрасной упаковке, дошли в идеальном порядке. Само собой разумеется, что обе поставлены были тотчас под стекло. Кроме того, я поручил рамовщику (одному из лучших в Праге) с оборотной стороны заделать картины наглухо де-

ревянными дощечками, чтобы предохранить их от всяких неблагоприятных и хотя бы случайных внешних влияний. Повешены картины в главном зале Музея, но не вместе, а отдельно или, вернее, друг против друга, ради достижения наилучшего эффекта с освещением: горы освещены теперь из окна с той же стороны, что и на картинах. Картины всем в Праге в высшей степени понравились»²⁰. И далее в том же письме Булгаков пишет: «Я пережил странное чувство при получении Ваших эту-

²⁰ Булгаков В.Ф. Письмо Н.К. Рериху от 28.12.1936 г. Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп.№1, д. 352.

дов. Когда я, с помощью заведующего канцелярией университета, вскрывал ящик с картинами и впервые приподнял одну из картин, положенных лицом вместе, мне показалось, что из ящика вырвались лучи света: так заблестели сразу вершины Эвереста и Канченджунги. Это было почти физическое ощущение, которого я не забуду, тем более, что я не оккультист, а также не мистик в дурном

смысле. Мне ясно, однако, относительно Ваших картин, и это я не устаю повторять другим, что они полны не только художественной прелести, но и могучей духовной силы. И, по крайней мере, я лично это в них, как, разумеется, и во всем Вашем художественном творчестве, высоко ценю»²¹.

Спустя некоторое время, осведомившись об экспозиционной площади музея в Збраславце, Рерих высылает Булгакову еще 13 своих картин и этюдов из Белграда, где они временно находились. Среди них «Святой Сергий Радонежский» (1932), «Ашрам» (1931), «Мать Чингиз-Хана» (1931), «Тень Учителя. Тибет» (1932), «Гуга Чохан» (1931), «Ченрези» (1931), «Королевский монастырь» (1936), «Меч Гэсэра» (1932), «Часовня Сергия» (1937). Эти картины также были переданы в распоряжение Русского культурно-исторического музея на время его существования.

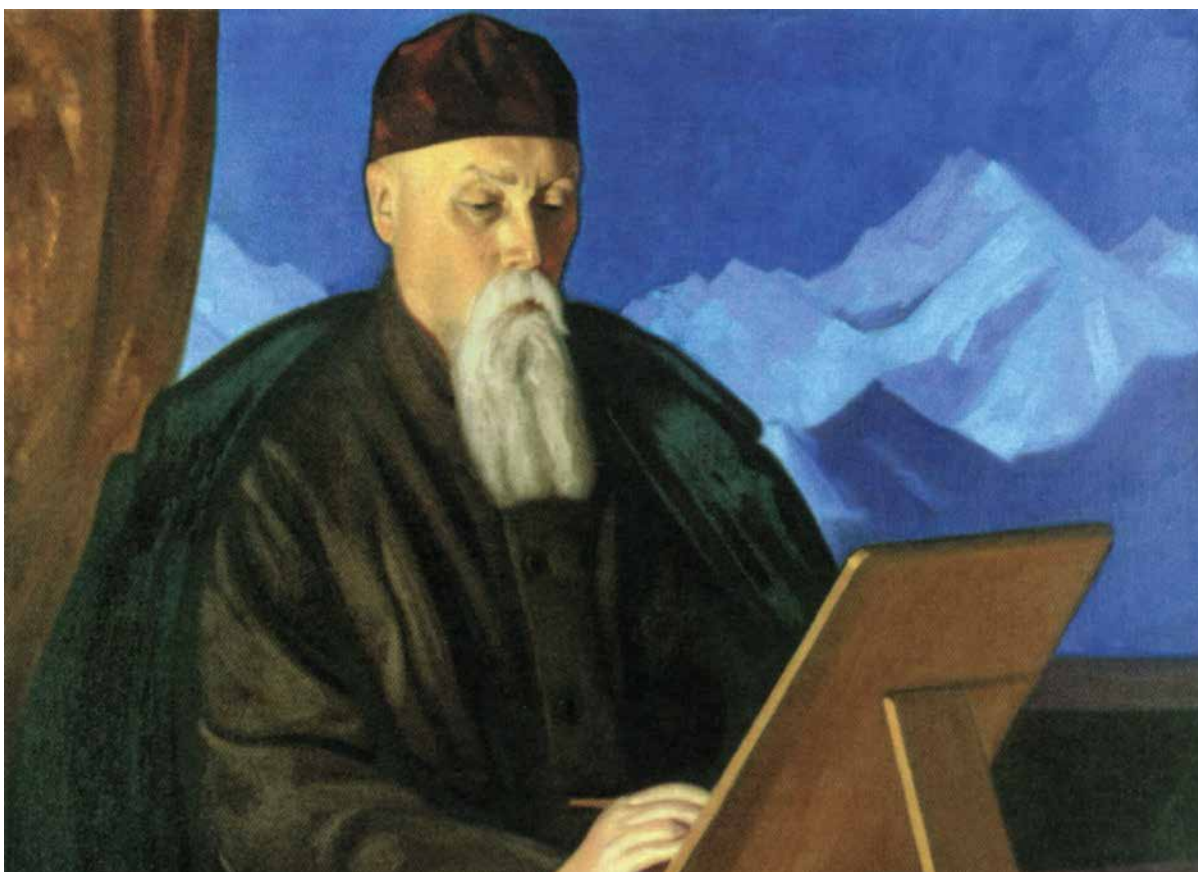
Булгаков просит художника разъяснить содержание некоторых картин, и Рерих в письме от 17 февраля 1938 года отвечает: «На поставленные Вами вопросы о картинах разъясню. *Гуга Чохан* – легендарный покровитель здешней древней страны Кулуты, [статуя его] находится перед самым нашим домом. Для картины *Чэнрази* взят пейзаж Западного Тибета. Там же находятся и скалы с древними изображениями меча *Гэссар-Хана*. Когда я писал картину “Мать Чингиз-Хана”, я вспоминал из биографии Чингиза, как однажды все друзья от него отшатнулись, и мать говорила ему: “Помни, сын, что лишь тень твоя тебя сопровождает”. Мысли об одиночестве, может быть, наполнили сердце одинокой наездницы. Чингиз-Хану у меня посвящена целая серия. “*Тень Учителя*” относится к апокрифам о Христе, когда говорилось, что при прохождении его следы тени его не исчезали, а запечатлевались»²².

Между В.Ф. Булгаковым и Н.К. Рерихом завязывается переписка. Тоска по Родине, единство точек зрения по многим вопросам, увлечение искусством и музейным делом сблизили их отношения до настоящей высокой и чистой дружбы.

В письме от 31 мая 1938 года, реагируя на сообщение Булгакова, что он сибиряк по рождению, Рерих совершенно неожиданно для Валентина Федоровича пишет: «Глубоко порадовало нас Ваше сведение, что Вы – сибиряк и притом большой патриот своего отечества. Вы ездили по горам Алтайским, а Алтай является не только жемчужиной Сибири, но и жемчужиной Азии. Великое будущее предназначено этому замечательному средоточию. Долина между Уймоном и Котандою бу-

²¹ Булгаков В.Ф. Письмо Н.К. Рериху от 28.12.1936 г. Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп.№1, д. 352.

²² Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. С. 264. Названия картин даны в соответствии с цитируемым изданием. – Прим. ред.

С.Н. Рерих. Портрет Н.К. Рериха. 1938. Собрание ГТГ

дет местом большого центра. В Париже, когда Вы посещали наш Центр, Вы, наверное, видели мой этюд “Белуха”. Там было три этюда прекраснейших высот Азийских: Канченджунга, Белуха и Эльбрус. Итак, когда мы знаем, что Вы – алтаец, Вы нам еще и еще ближе»²³.

Называя Булгакова «алтайцем», Рерих был осведомлен о существовании Алтайского округа в Томской губернии²⁴, в который входили города Барнаул, Бийск, Колывань и Кузнецк. Сейчас последние два города находятся вне пределов современной территории Алтая (Колывань – ныне рабочий поселок Новосибирской области; Кузнецк, переименованный в 1932 году в Сталинск, а в 1961 году в Новокузнецк, относится к Кемеровской области), но в прошлом они были тесно связаны с Алтаем и назывались, так же как Барнаул и Бийск, «алтайскими городами»²⁵.

В том же письме Рерих касается вопроса об обороне Родины и об изменчивых настроениях в эмиграции: «Оборона Родины для всех нас близка, и я очень рад, что Вы оценили мою статью “Чаша Неотпитая”, а вот пьяный Борис Суворин²⁶ разра-

зился ругательством именно за то, что я сердечно сказал о Родине и народе Русском. Боже мой, сколько живет на свете предателей, должно быть, где-то чеканятся специальные тридцать серебряников. Но не будем обращать внимание на всяких гадов. Через все пропасти, через все потоки пронесем любовь и служение нашей родине. – Очень рад слышать, что президент Бенеш тепло отнесся к [Русскому культурно-историческому] музею. Ведь музей является общерусским делом, и в этом широком понимании и служении будет истинно-созидательное начало. А с Вами мы еще встретимся и, Бог даст, поработаем»²⁷.

А вот строки из письма 1941 года В.Ф. Булгакова к Н.К. Рериху: «...ни расстояние, ни время, ни чрезвычайные события уже не в силах уничтожить ту внутреннюю связь взаимного уважения и дружбы, которая, как я верю, образовалась между нами. Почему-то кажется мне, что даже взаимное желание наше однажды встретиться и, может быть, даже поработать вместе, рано или поздно осуществится. Пока же хочется послать Вам горячий, сердечный братский привет и просить пере-

²³ Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. С. 268.

²⁴ Алтайский горный округ, а с 1896 года – Алтайский округ.

²⁵ Гончаров Ю.М. Уездный город Кузнецк во второй половине XIX – начале XX в. // Алтайский сборник. Выпуск XXI. Барнаул, 2004. С. 75–76.

²⁶ Журналист, бывший редактор газеты «Вечернее время» в Петербурге и редактор газеты «Русское время» в Париже.

²⁷ Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. С. 268–269.

дать мои чувства уважения и искреннего приветия также высокочтимой Елене Ивановне и Святославу Николаевичу...»²⁸

Николай Константинович высылал Булгакову свои статьи. Валентин Федорович публиковал их в пражской прессе и при первой возможности отсылал эти публикации на Родину. В свою очередь он отправлял Рериху свои книги о Льве Николаевиче Толстом, и художник дал им высокую оценку. «Прежде всего о присланных Вами трех книгах. Безотлагательно они были не то что прочтены, а поглощены всеми нами. <...> Многие свидетели великих событий предпочитают промолчать и боязливо скрыться за спиной толпы. Но Вы считаете долгом своим сказать во всеуслышание то, что Вы знаете, и такое утверждение будет поступком благородным и мужественным. Если бы таких добросердечных подвигов было бы больше, то и разрешение многих проблем стало бы проще. Спасибо, спасибо Вам крепкое от всех нас»²⁹. И еще: «У Елены Ивановны Ваша книга “Духовный путь Толстого” всегда на столе... Среди многих умалительных пристрастных характеристик великого писателя, в кот орых участвовали, к сожалению, даже его семейные, Ваши слова о нем звучат, как голос светлой, утверждающей правды»³⁰.

Сын Николая Константиновича, художник Святослав Николаевич Рерих также внес свой вклад в Русский культурно-исторический музей. Он подарил большой портрет отца, выполненный в 1938 году, картины «Пастух Кулуты» и «Закат».

Торжественное открытие Зала имени академика Н.К. Рериха, для которого владелец замка Бартонь-Добенин выделил дополнительное помещение, состоялось 16 июня 1938 года в присутствии представителей русского и чешского ученого и художественного мира. В.Ф. Булгаков выступил с докладом о творчестве Николая Константиновича. Он говорил об универсальности натуры художника, его любви к Востоку и Азии, напомнил о том, что первая выставка Н.К. Рериха за границей состоялась в Праге и что художник особенно тепло относится к «Золотой Праге» и Чехословакии. Пакт Рериха, научная Центрально-Азиатская экспедиция художника, работа культурных учреждений, основанных им в Америке, как и картины художника, вызвали неподдельный интерес присутствующих. «Высказывались и такие голоса, что Ваш зал “убивает” весь Музей в целом, ибо настолько мощно и ни с чем не сравнимо Ваше творчество. Я с большим удовольствием слушал эти рассу-

Валентин Федорович Булгаков. 1950-е гг.

дения, радуясь, что Вы “дошли” до всех, и в то же время отлично сознавая, что и Ваш зал это тоже часть нашего Музея и что открытие его мы можем праздновать как большое торжество Музея»³¹.

Возвращение на Родину

Годы Второй мировой войны внесли свои коррективы в жизнь музея. 22 июня 1941 года Валентин Федорович Булгаков как советский гражданин, никогда не менявший подданства, был арестован агентами гестапо. Позже арестовали и его старшую дочь Татьяну. Пражская тюрьма, затем лагерь для интернированных советских граждан в крепости Вольцбург в Баварии. Четыре года принудительных работ, голод, холод. Однако даже в таких условиях Валентин Федорович продолжает работать – пишет на обрывках немецких листовок и исключительно по памяти книгу «Друзья Л.Н. Толстого» (45 портретов). «Трудно было вырваться из лагерей: мы отступали вместе с германской армией и легко могли погибнуть в пути, как многие около нас, – писал позже Булгаков Рериху. – Но Высшей Воле, видно, зачем-то нужно, чтобы мы еще жили. И я, и дочь после всевоз-

²⁸ Булгаков В.Ф. Письмо Н.К. Рериху от 9.06.1941 г. Российский государственный архив литературы и искусства в Москве, ф. №2226, оп. №1, д. 1025.

²⁹ Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. С. 262.

³⁰ Там же. С. 279.

³¹ Булгаков В.Ф. Письмо Н.К. Рериху от 17.06.1938 г. Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп. №1, д. 1025.

Братья Валентин и Вениамин Булгаковы на берегу реки Томи

можных приключений, о которых можно было написать книги, вернулись в Прагу. Ее освободила Красная Армия, меня – американцы»³².

За время отсутствия Булгакова Русский культурно-исторический музей пришел в состоя-

ние полного разгрома. Оказалось, что в течение 30 дней в залах музея проживали немцы, а затем Збраславский замок стал местом боя между немцами и русскими. Но, к счастью, сохранились все картины Н.К. Рериха и С.Н. Рериха, работы Репина, Гончаровой, Серебряковой, Богданова-Бельского, Брюллова. Все это, по предложению советского посольства в Чехословакии, вместе с другими коллекциями было перевезено Булгаковым в здание советской средней школы в Праге, располагающей просторными помещениями³³. Обо всем этом Валентин Федорович написал Н.К. Рериху в Индию. Ответ пришел 24 июня 1946 года: «Прилетела Ваша добрая весть <...> Да, исстрадались Вы и Ваша дочь. Елена Ивановна слезу пролила, читая о пытках. Не люди, а звери – хуже зверей. И сколько этого фашистского сора еще ползает! Сколько скудоумцев и злоумцев не понимают, какую мировую героическую жертву принес Великий Народ Русский, Народ-Победитель. Радуемся Вашей светлой оценке сов[етского] строительства, ибо мы живем тем же сознанием. Великое несломимое будущее дано Народу-Труженику и Строителю. “Когда стройка идет – все идет”. Думается, придете Вы в Ясную Поляну, в гнездо Великой

³² Булгаков В.Ф. Письмо Н.К. Рериху от 10.06.1946 г. Российский государственный архив литературы и искусства в Москве. Ф. №2226, оп. №1, д. 1025.

³³ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т.3. С. 365–368.

Братья Валентин и Вениамин Булгаковы возле своего дома. Г. Сталинск (Новокузнецк). 1960

«Кабинет Булгаковых» в филиале Новокузнецкого краеведческого музея

Мысли. Сколько ценного можете Вы натворить и широко послать по всей целине необъятной!»³⁴ Переписка между Булгаковым и Рерихом продолжалась вплоть до кончины великого художника 13 декабря 1947 года. Все это время Русский культурно-исторический музей располагался в пражской советской школе.

В 1948 году сбылись пророческие слова Н.К. Рериха – Валентину Федоровичу Булгакову вместе с семьей разрешили вернуться в Советский Союз. Он переезжает в Яснополянский Дом-музей Л.Н. Толстого, где до конца своих дней выполняет работу научного сотрудника и хранителя. С собой на Родину Булгаков привозит всю коллекцию Русского культурно-исторического музея, упакованную в 25 больших ящиков. Часть коллекции была передана в Третьяковскую галерею (в том числе все картины Н.К. Рериха и С.Н. Рериха), часть – в Исторический музей и Театральный музей имени А.А. Бахрушина, в музей Октябрьской революции и музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Так завершилась история Русского культурно-исторического музея, который успешно выполнил свою задачу, сохранив сокровища отечественной культуры для России.

По возвращении в Ясную Поляну Валентин Федорович восстанавливает связь с родным городом. Его однокашник Константин Александрович Воронин, научный сотрудник городского

краеведческого музея, приглашает братьев Булгаковых посетить родной город. В 1960 году Валентин и Вениамин Булгаковы приезжают в Сталинск (с 1961 г. – Новокузнецк). Им удалось еще застать на прежнем месте свой родной дом (через несколько лет он будет снесен), посидеть на берегу любимой и дорогой реки Томи, встретиться с давними друзьями и знакомыми, побывать в краеведческом музее и познакомиться с его экспозицией. До самой смерти Валентин Федорович поддерживает связь с музеем, а значит, и с родным городом. В музей высылаются книги, статьи «Лев Толстой – стихотворец», «Художник Н.К. Рерих в письмах из Индии», «Книги об Индии в библиотеке Л.Н. Толстого», а также личные вещи, документы, фотографии из семейного архива.

Валентин Федорович Булгаков ушел из жизни 22 сентября 1966 года. Его похоронили на фамильном кладбище Толстых недалеко от Ясной Поляны.

О последнем секретаре Л.Н. Толстого помнят на малой родине. В 2003 году в филиале Новокузнецкого краеведческого музея был открыт экспозиционный зал «Кабинет Булгаковых», рассказывающий о жизни, творчестве представителей двух поколений этой семьи. Есть здесь и уголок, посвященный Русскому культурно-историческому музею в Зbrasлаве, созданному В.Ф. Булгаковым, – первому Русскому музею в Европе.

³⁴ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т.3. С. 416–417.